

A cinematic scene set in a forest. In the background is a rustic log cabin with a weathered wooden roof and a brick chimney. A man with grey hair, wearing a white long-sleeved shirt and pants, sits on a wooden stool. He is holding a rifle and looking towards the camera. To his left, a large brown bear sits on the grass, wearing a small crown. Behind the man stands a humanoid robot with a metallic, segmented body and a helmet. The ground is covered in green ferns and scattered with what appears to be burnt remains or debris. The overall atmosphere is mysterious and post-apocalyptic.

АЛЕКСАНДР СТАРОСТИН

ТАКИЕ УСЛОВИЯ

Александр Старостин

Такие условия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49603492

ISBN 9785449800527

Аннотация

В России любые пришельцы – попаданцы. И если алгоритмы твои неизвестны, намерения смутны, а топливные элементы сбоят от местного самогона, то ждет тебя полная трудностей активность, сбой программ и перезагрузка. Начиналось все про Искусственный Интеллект, а получилось, как всегда, про жизнь.

Такие условия

Александр Старостин

© Александр Старостин, 2020

ISBN 978-5-4498-0052-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вечером попыхтеть и потопать приходил ёж. Уже за одно это можно было сбежать из города. Дело не в еже, конечно, – тишина воздух... да, собственно, и не в них. Поди знай, какие струны затронуты полным отсутствием удобств и абсолютным комфортом души.

Побег для каждого свой. Различны и причины, по которым однажды человек решает, что больше терпеть нельзя, иначе в голове оторвется что-то ценное, и случится нехорошее, пора! И едет в никуда, в неизвестность, в деревню, в город, в эмиграцию, в соседнюю комнату, обеспечивая великий круговорот бегства от себя.

Когда жара спала, ветер стих, и даже вездесущие комары присмирели по непонятной причине. Дали телу, изнуренному летним зноем и пеклом кузни, передышку. В тишине деревенского вечера на покосившиеся деревянные дома под проросшими мхом крышами опустилась благодать, ко-

торая физически осязалась, да так, что режь ее ножом, мажь на хлеб и ешь.

Заказ, что называется, не шел. Казалось, что вернись ты в средневековье к поддуву ветхими мехами да к горну на древесном угле из углежогных ям, и вдохновение – вот оно, делай из него бутерброды вместе со спускающейся с небес благодатью. Но не хватало как раз достижений прогресса: нормальных тисков, шлифмашин, гриндеров, и, конечно же, третьих, четвертых, седьмых рук – рук помощников, тех, кто поддержит, возьмет на себя часть опостылевшей рутины, развязав руки, дав возможность творить.

Помощники нашлись бы и в деревне. Но... Деревня умирала. Уже и электрические провода со столбов сняли, заставив тех, у кого есть деньги на бензин, использовать маленькие генераторы для поддержания видимости прогресса.

Из чуть менее пятидесяти когда-то добротных домов жилыми были от силы пять, да в десяток домов на лето, время от времени приезжали озверевшие от городского быта латентные пейзане.

Дед Михаил, братья Баклушины, старуха Егорша да Варька – неопределенного возраста тетка со следами жизненных неурядиц на лице. Жизнь в деревне, консервируя время, накладывала еще одну печать – определить возраст зачастую было невозможно. Братья Баклушины – пришлые самосёлы, кряжистые деды, внешне похожие на дубовые колоды, вполне могли оказаться и не дедами вовсе, и даже не бра-

тнями. В некоторых случаях здоровое деревенское любопытство внезапно охладевало, наткнувшись на резкость или нехороший взгляд, так что истинный возраст, историю жизни и степень родства никто точно не знал. Братья так братья, живут себе и живут.

Братья максимально подходили под кузнечную силовую гимнастику и на первых порах даже загорелись, захваченные романтикой пластичного раскаленного металла, но, как водится, быстро перегорели, стали филонить, заводили бесконечные разговоры за жизнь, максимально растягивая перекуры, и заняв деньги, надолго пропадали.

Материальные потери были невелики, и ссориться еще не имело смысла, так как братья занимались добычей металлолома, из которого вполне можно было нарыть годное сырье под кузнечные нужды. Имея старый трактор, мотоцикл «Урал» и знания о расположении заброшенных воинских частей, обильно оставшихся после СССР, братья активно осваивали, казалось бескрайнее, непаханое поле. Внезапно пересекающие полевые дороги, канавы от выдернутых трактором подземных кабелей и потухшие кострища обожженной изоляции свидетельствовали о том, что цивилизация здесь если и была, то теперь её нет. Ушла в землю вместе с отключенным электричеством.

Поговаривали, что братьям ведомы секреты добычи даже драгметаллов, а не только меди из старых, таинственного назначения военных предметов. Порой братья привози-

ли по полному тракторному прицепу непонятного, и долго за гнилыми заборами с этим возились, разбирая, сортируя, вывозя потом в город на мотоцикле. А что можно в коляске увезти? Много не увезешь, так что золото они там возят – это совершенно точно, а еще уран и красную ртуть.

А Варю Кузнец откровенно побаивался. По слухам, женщина, потерявшая по неизвестной причине в городе все, вернулась в деревню, по ее выражению «устаканить нервы», чем попутно и занималась, находя силы на огородничество. Этим, по сути, и выживала. Запущенный вид ее не мешал коситься на городского пижона, постепенно сужая вокруг него круги, постоянно предлагая ему свою помощь, да хоть по работе в кузне или хозяйству. Варя была на все согласна, но пьяненький пошлый юмор, становившиеся все более агрессивными поддатые намеки да запущенная неопрятность не способствовали ни романтическим отношениям, ни совместной работе.

Короче, старики, старухи, лодыри-философы да вислоухая мохнатая собака – вот весь имеющийся на сегодня деревенский штат.

Сердечный народ был скор на помощь и не прочь заработать, но трудовой запал кончался быстро. Прийти потрепаться под рюмочку – это завсегда. Можно попутно помочь, почему нет? А вот горбатиться как в последний день, нет уж, увольте! Тяги к обогащению ни у кого давно уже не было. Кузнец целыми днями как оглашенный, молотящий по желе-

зу в своей перегретой средневековой кузне, вызывал странную смесь уважения и растерянной сельской оторопи. Ну надо же, как убивается, а зачем, непонятно. Городские, что с них взять. Чудак, хоть и рукастый.

Кто был в деревне исконно местный, а кто так, двадцать лет назад пришлый, было уже не разобраться, и готовый душевно посидеть, выпить, угостить, помочь, а главное, дать в долг в неизвестность, трудолюбивый кузнец быстро растопил верхушку айсберга в сложной деревенской иерархии свой-чужой. Своим он, конечно, не стал, впрочем, в умирающей деревне все были одновременно и свои, и даже не чужие, а скорее ничьи. Сами по себе. Любое чудачество, подвергаемое остракизму в обычной живой деревне, здесь не вызывало осуждения. Банально не набиралось критической массы.

Да и возвращались в деревню кто как, разными путями и по разным причинам.

– Планета в заповедной зоне, ей до первого контакта развиваться еще лет с тысячу. Квинториум никогда не даст разрешение на контакт и официальную добычу. А филоний там есть – это совершенно точно. Нужны только данные разведки, нужна одобренная экспедиция хотя бы в безлюдную местность. Не успеем мы, туда влезут другие.

– Так в чем проблема? Планета хоть и отсталая, но некие зачатки прогресса там есть. Топливные ячейки, основы ис-

кусственного интеллекта. Примитив, конечно, но исследовательскую бригаду на их уровне мы слепим. Проблема с топливом для них. Топливные ячейки – это не мини-ядерный реактор. Планета до них доросла уже. Сверьтесь с данными разведки, симитируйте местного производителя, надписи «сделано в...» будет достаточно.

– На самообеспечении пусть будут, усильте бригаду Ремонтником и Переговорщиком. Откорректируйте программы на максимум эмоциональности и дружелюбия. Но никаких терзаний. Больше цинизма. Главное – результат. Пусть топливо у аборигенов выменивают. Да хоть на бусы.

– Беда там с аборигенами. Места безлюдные, местные те, что есть, на бусы не очень падкие. Там только топливо и в цене. Плюс то, что аборигены примитивны и незлобливы, да и оружия в данной местности нет. Что, программисты, удалось разделить мотивацию «Стыд»?

– Нет, Стыд, отрицательно окрашенное чувство, объектом которого является какой-либо поступок или качество субъекта, разделить не удастся. Он либо есть, либо его нет. Слишком древний рудимент, доставшийся от белковой жизни.

– Тогда атрофируйте «Стыд», иначе будет только мешать. Усильте мотивационные ячейки бригады, уменьшите самосохранение, а мотивацию «Страх невыполнения задачи» на максимум, пусть сами выкручиваются, не церемонясь. Учтите, что в складывающейся ситуации «Страх» остается единственной мотивирующей силой. Благо многочис-

ленные ветки оного мы давно научились разделять и блокировать. Не то что «Стыд», программистам как там не стыдно? Ну и возвращать их не будем. Дорого, заметно и не нужно никому здесь знать то, на что могут пойти высоко мотивированные личности с купированным страхом и без совести. Вышлите Чистильщика примитивнее на той же имитированной под местное производство элементной базе. Слава Эрцлиху, сопротивления то они не окажут, так что никакого оружия, обойдется инструментами. После операции все зачистить.

– Вместе с аборигенами?

– Эрцлих упаси! Нам только смертей аборигенов не хватало. Чистильщика или то, что от него останется, придется в Квинториум предъявить. Да и проблемой они не будут. Наши аналитики редко ошибаются. Информацию из Чистильщика получать придется любой ценой. Обеспечьте аварийный вариант получения информации даже с риском для обнаружения. К тому же Наблюдатель уже давно там. Нет никаких сомнений, что рано или поздно он в области исследований бригады появится. А может, уже там. Квинториум просто не мог оставить без внимания такой лакомый кусок, привыкли действовать на пять ходов вперед.

– Связь с бригадой?

– Обойдемся без связи. От нее больше вреда, чем пользы. Любая возможность привлечь внимание аборигенов должна избегаться. Задание ясней ясного, цели поставлены. Помощи

не будет. Аварийная связь только у чистильщика.

– Местную связь блокируем?

– Зачем? Максимальное внимание на Переговорщика. Именно на него ляжет снабжение бригады местным топливом. Выберите внешний вид, ну, кто там, в теории, вызывает максимальное доверие, личность ему помногограннее, знаний про планету побольше. Любые вмешательства в местную жизнь, какой бы примитивной она не была, рано или поздно будут замечены, а это не в наших интересах. Мы допуск на исследование в таком усеченном варианте еле-еле получили. Да не мне вас учить.

– Основная проблема в том, что планета – наиболее приближенная копия Эрцхлириума. В результате внутренние противоречия мотивационных схем неизбежны. Были неоднократные случаи, когда глубинная мотивация возвращения извлекалась и доминировала, в результате любые другие мотивации и цели угасающе игнорировались без достижения поставленной задачи.

– Ну, так блокируйте глубинное. Одним блоком меньше, другим больше. Обеспечьте невозможность снятия блоков Ремонтником. Обнулите соответствующие параметры. Проанализируйте местность, подберите соответствующее место для высадки. Усложните высадку так, чтобы на Эрцхлириум даже намека не было.

Переменчивая мода причудливым образом распределила, кому жить, а кому умирать. Мода на бобровые шапки сгинула сама собой, дав возможность милым животным плодиться, чем они и не преминули заняться. Размножившись, бобры перегородили плотинами все, до чего смогли дотянуться своими маленькими лапками и натруженными зубами. Многочисленные запруды привели к заболачиванию почв и сужению благоприятных ареалов для жизни и размножения бобровой дичи. Популяция лося, кабана, коз и оленей резко пошла вниз.

Данный участок дед считал своим. И все в округе знали, что участок принадлежит деду, охотиться туда не ходили, капканов не ставили. Тайга – она лишь в представлении несведущего обывателя ничья. И это только кажется, что в лес можно незаметно зайти и выйти, добыть кого-нибудь, и никто об этом не узнает. Так уж повелось, что без всяких нотариусов и договоров право на данный участок свято блюлось, и прадед, и отец деда охотились здесь испокон веков.

Нет, случались и залетные. Но отношение к городским пижонистым охотникам было недоуменно-брезгливое. Добывать зверя самостоятельно они не умели, часто пользовались услугами таких как дед, в качестве проводников, много шумели, мусорили, бестолково пользовались вонючим одеколоном, а то, что добывалось, как правило, оставляли местным, забрав разве что шкуры, клыки да рога.

С возрастом деду все тяжелее и тяжелее давались дол-

гие лесные переходы. Да и в случае удачи переноска мяса по пересеченной местности упругости суставам не добавляла. И тут еще, как назло, вездесущие бобры расплодились рядом с деревней, оттеснив зверя от заранее прикормленных искусственными солонцами и сеном засидок, тем самым подписав себе приговор.

Борьба с бобрами не доставляла удовольствия, требовала терпения, усидчивости, но, не разрушив плотины, можно было и без мяса остаться. Так что бобровые рейды стали для деда чем-то не очень обременительным, но обязательным. К тому же бобровое мясо было вполне съедобным, а настойка на бобровой струе пользовалась популярностью в среде потасканных, пожилых ловеласов, так что и немаловажная экономическая составляющая в охоте на бобра была.

Да и охотничий пес мохнато-вислоухой породы бобровым мясом не только не брезговал, а скорее сильно его уважал, несмотря на смешную оказию, приключившуюся по причине съеденных вместе с мясом по ошибке желез бобровой струи. Отбегав, как заведенный, положенные двое суток, пока стимулирующее действие не закончится, пес урок усвоил, запах волшебных желез запомнил и больше таких ошибок не совершал.

Сам дед бобровую струю пользовал редко, уж больно сильно воняла концентрированная настойка, а бодрости деду и так было не занимать. А вот в низкой концентрации активного компонента, хорошенько разбавив самогоном, на-

стоянного на кедровых орешках, да с калганом на долгих охотничьих выходах, секретная настойка хорошо согревала и поддерживала не молодой уже организм.

Вот и сейчас, проверив капканы и растащив ручной лебедкой пару здоровенных плотин, дед, помешивая в старой закопчённой кастрюле пахучее варево, предвкушал пару увесистых рюмок перед сном.

Раньше, вплетая конец лебедочного троса за причудливо переплетённые ветки плотин, готовясь совершить акт анти-бобрового вандализма, дед испытывал слабый укол. Бобр – животное мало того архаично-семейное, так еще и трудолюбивое, и очень уж много аналогий прослеживалось между разрушенными бобровыми хатками и дедовой неприкаянной жизнью. Но с каждым разом укол этот был всё слабее и слабее. Просить прощения у бобров дед не собирался.

Когда костерок уже догорал, а секретная настойка уже приятным теплом растекалась по готовящемуся ко сну телу, внезапно в небе резко метеором чиркнуло на грани слышимости, ультразвуком свистнуло и динамитом недалече взорвалось, на минуту развея наваливающийся сон, как пред-рассветный туман.

Несмотря на необычность события, действие настойки было настолько действенным, а настроение деда столь философским, что вот прямо на ночь, прямо сейчас он никуда не пошел и, прижавшись спиной к свернувшейся калачом собаке, отложил исследование неведомого на утро.

Утром лес будит не хуже будильника. Еще солнце не успело позолотить верхушки деревьев, а дед уже завтракал, мажа пимокан на черствеющий уже хлеб и запивая крепко заваренным, сладким до приторности чаем.

Ночное происшествие вызывало естественный интерес, недостаточный для того, чтобы пропустить обязательную проверку установленных ранее капканов. Поэтому, подвесив походный скарб повыше на дерево, дабы идти налегке, дед разметил маршрут с учетом расставленных ловушек так, чтобы выйти к предположительной точке падения неизвестного уже к обеду.

Как обычно дополнительный крюк оказался больше рассчитываемого, да и предполагаемое место пришлось еще поискать. Судя по вспышкам и зареву, дед искал место пожара. Но ничего похожего не было. Поиск усложнялся сложным рельефом, буреломами и болотами.

Не единожды обматерившись, хорошенько извозившись в болотной жиже, не раз обругав себя за излишнее любопытство, и уже собираясь бросить поиски и повернуть назад, дед вышел-таки на подозрительную полянку, ничем не примечательную на первый взгляд. Только матерые глаза деда заметили обломанные верхушки, опаленные камни посреди небольшого болотца и поврежденную кору на деревьях там, где возможно привязывали трос или веревку так, чтобы тащить из болота что-то тяжелое. Других свидетельств ночного происшествия не было.

Любопытство было частично удовлетворено, несильно уколол разочарованием, – ради этого пришлось тратить целый день. Хотя... Неотвеченным остался вопрос: а что, собственно, здесь тянули? Сомнений не было – что-то утопили и вытаскивали.

Блеклая поляна затоптанных следов, причудливой вязью написанная неизвестными, картину происшествия даже не приоткрывала. Было очевидно, что на более-менее сухое место, воспользовавшись тросами и лебедками, из болота вытащили как минимум два увесистых предмета, но кто тащил, и что именно вытащили, прочитать по следам упорно не удавалось. Дело усложнялось еще и тем, что все, что можно было затоптать, затоптал медведь, известным образом проявивший интерес к последствиям спасательных работ.

Некие сомнения и нелогичность происходящего были сразу отброшены. Ведь ну не мог же медведь тянуть веревку вместе со спасателями? Ну не мог, и все... хотя по следам выходило, что было именно так. Интерес проявить мог и в поисках съестного даже обязан. Так что проще было считать, что медведь – зверь любопытный, и наследил он, чуть позже, возможно, утянув с собой, чисто из вредности или любопытства, одну из веревок.

Но медведь есть медведь, и не меньше, чем триста килограммов злобного мяса, шатающиеся вокруг деревни и распугивающее дичь в вековых охотничьих угодьях, деду нужны

были исключительно в тушёнке, жире, желчи и ковре из шкуры на полу, а не в живом и здоровом виде.

Неизвестные упорно тащили груз к деревне, а медведь крутился где-то рядом, далеко от них не отходя, так что и даже если им над ухом придется стрелять – за избавление от медведя еще спасибо скажут.

Помимо медведя с веревкой странно было все. Странно то, что, даже зная все потаенные тропинки, догнать тащивших тяжелый груз даже налегке не удавалось. Странно вела себя собака, обычно на следы каждого зверя реагирующая различным, давно деду ведомым, изменившимся поведением. Только не в этот раз. Медвежьи следы, отчетливо видимые, не вызывали у нее никакой видимой реакции. Равнодушно мазнула носом по заполненной зеленой водой отпечатку когтистой лапы, и всё! Остальные следы, путаной цепочкой уходившие кратчайшим путем к деревне, на подвиги собаку не вдохновляли. Ни тебе дрожи каждого напряженного мускула, ни тебе вздыбленной шерсти. Раньше такого пренебрежительного отношения к опасному зверю за собакой не отмечалось, и даже натоптавший вокруг заяц неизменно вызвал бы если не ажиотаж, то хотя бы волнение. Оставалась надежда, что внимание к медведю хоть как-то проявится по мере приближения к оному, иначе такое скрадывание с внезапно потерявшей профессиональные навыки собакой превращалось в затею уж слишком сомнительную. Такая повышенная осторожность скорости передвижения деду так же

не добавляла.

– Цирк приехал, не иначе, – бубнил себе под нос дед.

За невеселыми мыслями не заметили, как добрались до места последней стоянки, с удивлением обнаружив оставленные вещи, чуть сдвинутыми со своих мест. Даже увесистый рюкзак, повешенный повыше от мохнатых мародеров, висел как-то не так. Догадка ледяным холодом обожгла мозг.

Уже трясущимися от негодования руками, расстегивая, как назло, заклинившие пластиковые замки, дед понял, что на его вещи покушались! Содержимое было тщательно обыскано, перемешано и по всем лесным законам осквернено! Хотя и пропало, в общем-то, только одно – литровая бутылка с настойкой! Патроны, еда, мыло, ложки, вилки, спички – все осталось на месте. Очевидно, что не медведь шуровал, – еда бы в этом случае исчезла, а бутылка осталась. Да и не смог бы медведь так аккуратно все разложить и на место повесить. Если бы не предшествующая безумная гонка за неведомыми гостями, бывший немного на измене дед возможно и не заметил бы ничего. Ох, и не хорошо они поступили, ох, не хорошо! Нужно даже сказать – зря! И на душе деда так пакостно теперь.

К удивлению деда, его собака беспокойства по поводу происходящего не проявляла. Ходила за ним хвостом и где-то даже удивлялась растущему дедову беспокойству.

Именно сейчас окончательно созрела мысль: незваных гостей надо догонять, догонять любой ценой! И дело даже

не в украденной бутылке, хотя именно кража и выводила больше всего. Дело в том, что все происходящее было как-то не так. Не вписывалось в логическую канву всей предыдущей достаточно долгой дедовой жизни. О том, кто тут так загадочно по лесу шастает, нужно знать обязательно. И желательно до того, как они дойдут до деревни, ну это уже так, на всякий случай. Благо, что возможность значительно срезать часть пути, пройти ложиной и достойно встретить любителей халявной выпивки у знающего местность как свои пять пальцев деда имелась. Было и подходящее местечко для того, чтобы уверенно организовать место импровизированной засады.

Ну что ж, придется пробежаться, будем надеяться, что у собаки проснется утраченная совесть, и хоть какой знак о возможной опасности она подаст.

Несмотря на приложенные усилия, пренебрегая возможной опасностью и ломоту во всем теле от ускоренного марша по пересеченной местности, к заветному месту возможной засады удалось выйти только к вечеру, когда уже начинало темнеть.

Городить хорошо замаскированную засидку уже не было сил, тут бы отдышаться и унять дрожь в руках. Наскоро оценив пути возможного прохода гостей, улегся как есть под наискось обломленную старую сосну, выбрав место посуше, воспользовавшись естественной амбразурой, удачно образовавшейся между деревом и землей. О том, что возможно

придется стрелять, думать не хотелось.

Времени успокоиться, отдышаться и унять дрожь в руках оказалось достаточно. Но и стемнело уже так, что намеченные ориентиры в секторах наблюдения еле просматривались. Глаза приходилось сильно напрягать. И надеяться на слух.

К удивлению деда, собака не подвела, хотя и отреагировала странно, когда седьмым или десятым своим чутьем что-то там уловила в дрогнувшем эфире готового отойти ко сну темного леса.

Неизвестно откуда приبلудившийся барбос давно охотился с дедом, неожиданно, вопреки своему явно дворовому происхождению, недюжинный талант к охоте в любом её проявлении. Найти, удержать, выгнать зверя на стрелка – всему пес научился сам. Как? Загадка. Но самое главное, между дедом и псом установилось то взаимопонимание, которое оттачивается годами и встречается... между друзьями, коллегами, соратниками? Вряд ли есть слова, которые могут описать то единое целое – взаимопонимание и собачье повиновение, которое образовалось и окрепло за время совместных походов и охот.

Когда пес подскочил и с лаем скрылся в ближайших кустах, дед был сильно озадачен. Обычно, по интонации лая можно было легко определить, кого пес поднял, что делает: гонит или удерживает. А самое главное, представляет ли угрозу то, что нашел он, наткнувшись во время своего, казалось бы, бессмысленного хаотичного бега по окрестным ле-

сам.

В этот же раз удивлению не было предела, лай был... веселым, да, иначе определения и не подобрать. Не было в нем как надрыва и ярости, свойственного при удерживании или преследования дичи крупной, так и яркого азарта, свойственного погоне за лесной мелкотой. Дед давно мог определить по лаю, с кем сцепился пес, с кем соревнуется в ловкости, хитрости и скорости: медведь, лось, заяц или лиса. Но тут... Загадок становилось все больше.

Казалось, что сам ночной лес скрадывает звуки, душит их в готовом появится тумане болотных испарений, и как бы собака не старалась, своим лаем показывая месторасположение и скорость движения гостей, в пределах видимости они появились совсем не там, где ожидал их появления дед. Срочно пришлось менять место засидки, и пока, забыв о скрытности, дед менял свое местоположение, неведомые гости под аккомпанемент задорного лая практически скрылись из виду. Рассмотреть их не удавалось, только на грани видимости кто-то что-то тащил, качались кусты, трещали тонкие засохшие деревья, мелькали то один, то два ящика загадочного назначения. И, несмотря на то, что окончательной ясности с носителями ящиков не было, дед сделал то, что не делал до этого никогда.

Темнело здесь ненадолго. Задумчивые сумерки, едва

оформившиеся в ночь, сами не замечали, как уже краснели рассветом.

Кузнецу не спалось. Несмотря на долгий день в кузне с последующей обязательной баней, день завершался глубоким самокопанием под местные напитки и аккомпанемент радиопьесы из никогда не выключаемого радио, да так, что можно было и рассвет пропустить, забыв, что спать вообще-то надо. По радио для измученных бессонницей эстетов давали Гамлета.

Натруженные руки приятно гудели, за целый день молотом пришлось помахать изрядно. А привыкшие к горну глаза, закрываясь, отказывались проваливаться в спасительную черноту, продолжали демонстрировать зацикленную, отпечатанную на светочувствительной матрице глаза запись – раскаленных углей, наковальни и бордового металла, раз за разом опускаемого в бак с холодной водой.

Идеи, так нужные в разгаре работы, роились в голове только сейчас, под утро стесняясь оформиться во что-то определенное, существенное, готовое.

Иногда внезапно посещала идея настолько гениальная, требовавшая немедленных действий, что в азарте покидалась постель, разжигался горн, резался и раскалялся металл. Огонь, впрочем, горел не очень долго, так как казавшаяся гениальной мысль имела трагическую склонность к потере очертаний и ясности с первым покрасневшим металлом.

Творческий застой требовал взлома, взрыва, всплеска

эмоций, возможно, смены впечатлений. Вязкой силой навалился, мешая мыслям, заставляя сомневаться в том, что уже сделано, мешая продолжать.

Уставшая душа требовала перемен в виде смены хотя бы занавесок, к сожалению, невозможных в сложившихся обстоятельствах. Оставалось добивать остатки кофе, пить самогон и курить. Если в поисках вдохновения и самого себя ты поменял город на деревню, а перемены оказались недостаточными – заменой штор ты уже не отделаешься.

Скинув на пол старые эскизы и отмотав от древнего, как сама деревня, рулона обоев новый кусок, попытался широкими набросками начать все с начала. Не пошло. Разрозненные элементы никак не хотели укладываться в единый гармоничный узор.

Не помогало ничего, и куда теперь? В какую еще глушь забираться?

Сомнения, сомнения, сколько хороших идей они похоронили, так и не дав родиться, не дав ступить и первого шага? Сколько потенциальных писателей, поэтов, художников не состоялись, так и не взяв в руки, ну, что там эти писатели, поэты берут. В отличие от Кузнеца, сменившего модный ноутбук на молот. Как менеджер среднего звена внезапно взялся ковать, оставалось загадкой и для него самого. Но в свете затянувшегося творческого кризиса избитая фраза: «Я кузнец, я не могу не куя» заиграла новыми красками. Неужели «не куя» значит ничего? И опять сомнения, сомнения...

Высадка прошла жестко. Мало того, что на камни, которыми по закону роботизированной подлости удалось повредить все, что можно и нельзя. Так еще и на небольшой каменистый островок, неведомо как выбранный для посадки, который оказался в центре целого каскада болот, что грозило огромным расходом энергии при попытке выхода в заданный район.

Дело усугублялось еще и потерявшим способность к самостоятельному движению Ремонтником, некоторые манипуляторы которого еще были способны к примитивной работе, но координация была нарушена, поддерживать равновесие он был уже не способен.

Передвижение по планете кардинально отличалось от виртуальных тренировок. Отрицательная плавучесть доставляла массу неудобств при передвижении по густой смеси грунта воды и перегнивших растений. Ультразвуковые датчики старательно сканировали толщу сомнительной жидкости, покрытую зеленой обманчивой растительностью, но гарантировать твердость болотного дна, достаточного для уверенного движения, не могли. Кто-то из бригады постоянно терял опору под манипуляторами, проваливался то в черную, то в зеленую жижу.

Длины нуклеинового троса, входящего в аварийный комплект и обязательного при любых высадках, оказалось явно

недостаточно. Ремонтнику приходилось, насколько это было возможно, складывать манипуляторы, которые только мешались, цепляясь за кустарник и подводные корни, погружаться в тину, в то время как остальные члены тащили его фактически под водой, сквозь торф и грязь, к относительно твердому и сухому месту, поднимая тучи мути.

Слава программистам. Изначальный алгоритм быстро разобрался в принципах движения по заболоченным участкам, правильно рассчитал оптимальную траекторию, учел отрицательный опыт, отбросил совсем уж неприемлемое. И в результате после многочисленных проб и ошибок дело пошло быстрее – скорость увеличилась, тем не менее оставив расход энергии на неприемлемом уровне.

Но Эрцлих не покинул начавшую терять надежду на успех бригаду.

Несмотря на толстый слой грязи везде, в том числе и на датчиках, почти потерявших чувствительность, стоянка местного аборигена не осталась незамеченной. Совокупность молекул из окисленного белка и древесины, клетчатки и растительности разных видов далеко распространялась по лесу и уверенно захватывалась даже еле живыми, измотанными электронными органами чувств.

Недостаток запаса энергии и, как следствие, возможность невыполнения основной программы исследования запустил аварийный алгоритм потребления, изменив приоритеты и отключив программы, обеспечивающие максимально

мягкий контакт с местными, мотивировав на максимально быстрый поиск горючего. А суррогаты топлива можно было найти только через аборигенов.

Судя по разности температур в разных местах поверхности, бивак был покинут совсем недавно, место, вероятно используемое под примитивный источник тепла, было теплее, чем все остальное. Поражало количество белка, пропитавшего все вокруг, частично или полностью подверженного разложению местными бактериями. Что здесь происходило? Заложённой информации о планете было явно недостаточно.

Времени тщательно обыскивать примитивный скарб с остатками, по-видимому, пищи, очистив насколько возможно поисковые датчики и включив их на полную мощность, бригада, о чудо, обнаружила емкость с неким подобием топлива. Экспресс-анализ содержимого показал его пригодность к переработке, благо, что соответствующие блоки оказались не повреждены.

Члены бригады долго спорили, воспользоваться ли данным подарком судьбы, и не будет ли данное действие оскорблением или даже осквернением некоего местного капища, святость которого достигалась применением многочисленных белковых жертв. Сошлись на том, что другого способа добраться до местного скопления аборигенов нет, а так появляется шанс, ну а возможные проблемы легко разрешит Переговорщик. Зря, что ли, его делали таким красивым?

Найденного топлива было явно недостаточно, и дозапра-

вившись и подождав пока соответствующие блоки прогонят примитивную жидкость через очистные и укрепляющие мембраны до приемлемой чистоты, решили двигаться в направлении ближайшего населенного пункта, по сути, мало отличающегося от найденного только что стойбища.

Возможность пополнить баки при первом же, хоть и не личном, контакте, а также изменившийся пейзаж, позволяющий двигаться быстрее с меньшими затратами энергии, внушало оптимизм.

Прошедший суматошный день, беготня по болотам, многочисленные загадки, разочарование от непонимания происходящего и, наконец, осквернение и кража требовали уже не расследования и суда, а сразу казни.

Дед прицелился, где по его ожиданиям было «чуть выше голов», и как-то буднично выстрелил. Связанная картечь – убойная вещь и надежда деревенской баллистики с треском прорубила туннель над головами, показав всю ярость и серьезность намерений.

И что? И ничего! Не услышать выстрела и воя пролетающих, связанных прочной леской картечин, не заметить сыпающиеся сухие сосновые иголки и ошметки коры было просто невозможно, но ни криков, ни суеты замечено не было. Загадочные ящики не остановились и даже скорость не увеличили, что в сложившейся ситуации было крайне нелогич-

но. Как шли размеренно, подминая мелкий кустарник, так и шли себе дальше.

Дед осатанел!

– На тебе еще раз! – выстрел заглушил слова, которые дед, сам того не осознавая, произнес вслух, на ходу перезаряжая свое одноствольное ружьё.

– Ну и еще разок, контрольный.

Дефицитная картель закончилась, и в дело пошел основной запас: нули, пули, мелкая и крупная дробь. Заповедь «не убий» и вертящийся вокруг беглецов пёс заставляли брать чуть выше, дергали под руку, сбивая прицел, а на возможность рикошета деду было плевать, пусть оно там, наверху, само разберется, кому и чего по заслугам достанется. Матерая псина, впрочем, быстро сориентировалась, поняв, чем тут может зацепить, так что крутилась и лаяла уже с безопасного удаления.

Безумный день, плавно перетекающий в безумную ночь, на этом не закончился, преследование продолжалось в темноте.

Озадачивали резкие хлопки и следующие за ними удары по корпусам членов бригады. Хлопки были неясной природы, а вот удары были следствием столкновений с небольшими кусками мягкого металла, летающего тут и там. Благо, что их скорость была недостаточной для того, чтобы причинить

значительный вред. За исключением, пожалуй, Геолога, которому удар куска металла вызвал резонанс в деталях корпуса с последующим непредвиденным багом в программе, что потребовало вмешательства Ремонтника и перезагрузки. Поведение после перезагрузки почти не изменилось.

Сканирование местности заляпанными, практически потерявшими чувствительность, датчиками результата не давало. Источника хлопков определить не удавалось.

Поражало буйство местной флоры и фауны. Летали птицы, шуршали в павшей листве и сновали по деревьям мелкие животные. Особо отличалось одно: неистово метаясь от одного члена бригады к другому, оно издавало резкие звуки и никак не отставало, несмотря на достаточно высокую для местных представителей белковой жизни скорость передвижения.

Все это было очень странно.

На грани слышимости бухнул выстрел. Или гром? Какой гром при ясной погоде? Мысли переваливались лениво, ни о чем. Выстрел – гром, гром – выстрел. Так выстрел это или гром? Под это уже можно было бы и заснуть, но выстрел грохнул уже ближе.

– Среди нас измена! Кто ее виновник? – надрывалось радио.

Сонливость как рукой сняло.

Охотиться мог только дед Максим, со своей затертой одностволкой, но стрелять рядом с деревней под утро – это выбивалось из обычного течения монотонной деревенской жизни.

– Искать недалеко. Ты умерщвлен, и нет тебе спасенья, – радио продолжало нагнетать.

В подтверждение нехорошего предчувствия, шевельнувшегося, но не оформившегося, грохнул третий, а затем не заставил себя ждать и четвертый выстрел, поставив жирную точку в разомлевшей пейзажной череде событий.

Так бывает, когда ещё ничего не произошло, а напряжение уже физически ощущается, висит в воздухе горьким дымом, предрекая жуткое развитие событий. Не хватало только тревожной музыки.

Монотонная стрельба никак не унималась. Уже слышался залиvistый лай единственной на всю деревню собаки, признающей только деда Михаила и используемую им для своих неведомых охотничьих целей.

– Патронов ведь ему не жалко, и откуда у него столько, чай оружейный магазин без малого в восьмистах верстах отсюда.

Вялая мысль: «А ведь он какого-то зверя на деревню гонит. Эдак он через третий выстрел на четвертый уже здесь будет» – промелькнула в голове, но необходимых импульсов, способствующих выживанию, в конечности, не дало. Ну, зверя так зверя.

Патронов не могло быть бесконечное количество,

и стрельба уже вблизи от деревни предсказуемо стихла. А вот лай, нагнетая обстановку, то удалялся, то приближался, и казалось, перешел уже на инфразвук.

Деревья в лесу еще не падали, но становилось неизбежным очевидное – стрелок, собака и Оно рано или поздно выйдут к кузне.

«Войскам открыть пальбу» – всплыло откуда-то из глубин. Шекспир похоже, не иначе.

– Так ступай, Отравленная сталь, по назначению! – согласилось с авторством радио.

Загадочную ситуацию со стрельбой и лаем требовалось перекурить непременно, сидя на крыльце, но поскольку сигарет давно уже не было, кузнец по старинке забил самокрутку из местного самосада в козью ногу из древнего обрывка газеты.

Вот спасибо тебе, кинематограф. От стольких стрессов, переживаний и впаданий в ступор ты нас оградил при столкновении с неведомым. По сути, мы готовы уже ко всему. Вот согласитесь, после всего, что мы видели на экранах, нас уже ничем не удивить. Вот вообще ничем. Ни разнообразными формами жизни, хоть белковой, хоть механической. Живые мертвецы? Видели, и не раз. Вот что способно повергнуть в шок современного человека? Синяя сумочка к красным туфлям в инстаграме – больше ничего.

Не впал в ступор и кузнец. Лес подходил непосредственно к краю участка, где компактно расположились кузня и баня.

Так что появление кого бы то ни было хоть и не являлось неожиданным, но времени на обдумывание ситуации не давало. К тому же еще забор, живописно враскоряку гнивший и шатающийся вокруг, ощутимым препятствием не являлся ни для кого.

Они и вышли, и вошли, и остановились. Два явных механизма неизвестного предназначения и грязный, шкура колтунами и тиной, медведь. Причем один механизм явно имел повреждения, мешавшие двигаться, так что медведь и относительно исправный напарник попросту тащили его, взяв за многочисленные манипуляторы.

– Пусть Гамлета к помосту отнесут, как воина, четыре капитана, – удачно, к месту прокомментировало ситуацию радио.

Неисповедимы пути нейронов человеческого мозга, произвольно летающие в подчерепном пространстве, сталкивающиеся друг с другом и выхватывающие подобные перлы. Но что делать: совокупность необычной ситуации, загадочно вспомненная строка, спектакль по Шекспиру и крепчайший самосад активировали запоминание именно этой фразы.

– Угу, позже отнесем, – сказал Медведь и бросил свою часть механизма на землю, – Мы пришли с миром! И за спиртом.

Кузнецу только и оставалось как посмотреть на самокрутку, морщась от выедающего глаза дыма. Жутко хотелось материться.

Дед Михаил говорил спокойно, но чувствовалось, что все внутри у него кипит, а интонации были такими, что обиду не смыть гидравлической жидкостью, или что там у них вместо крови.

– Ведь на минутку отошел, на минутку! Возвращаюсь – самогона нет. Литр! Литр самогона, представляете. Неделю в засидке хотел просидеть, и на тебе, суки. На ходу подметки режут! Чуют они его что ли? Ведь в самый низ... Сам бы захотел – не нашел! Нет, ребята, так с миром за спиртом не ходят!

– Да не хватило бы тебе литра на неделю, – подключились к стенаниям братья Баклушины, коренастые и крепкие как пни деды, которых никто уже друг от друга не отличал.

– Да, ты-то у нас известный трезвенник, Миша, – подключилась бабка Егорша, – и когда долг вернешь, сам ведь гонишь, я знаю, а не возвращаешь? – Егоршей она стала после переписи, до этого была Егоровной. Подросток – активист при переписи ошибся, а там уж повелось.

– За что возвращать-то? – снизил надрыв в голосе дед Михаил, – Я тебе за тот самогон забор поправил.

– Где поправил-то? Вот он лежит, как и лежал.

– Дык лет пятнадцать уже прошло, он постоял, постоял и упал, чего ему вечно стоять что ли?

Медведь деликатным покашливанием прервал начало по-

тока вечных взаимных деревенских претензий и обид.

– Граждане, милые мои селяне! – начал запрограммированный лучшими учеными переговорщик.

Люди инстинктивно попятились, собака, коротко тьякнув, завыла.

– Нам нужен спирт и примитивный ремонт – отбатрачим! – разом подвел черту израненный Ремонтник, которого свои уже называли Гамлетом, демонстрируя общее понимание силы искусства и единства нейросвязей.

– Самогону нагоним – не проблема, – на правах наиболее пострадавшего суетился дед Михаил, – А вот что делать с ремонтом? Тут инструмент нужен.

Традиционно кузни располагались на окраине деревень, что не помешало собраться всем именно здесь. Неординарное событие всколыхнуло деревню. Хоть и с опаской, но народ потихоньку подтягивался на диво дивное посмотреть.

– Чай, не в метрической системе придется работать и не в имперской, – продолжал он демонстрировать академические знания, – а починим – запряжем. Пусть хоть вон огороды копают, а медведь, ну хоть на охоту-то можно его брать? Тут у меня бизнес-проект наметился...

– Как бы они тебя сами не запрягли, – братья всегда слыли наиболее здравомыслящими жителями деревни, – починит он. Это ведь, по сути, инопланетная агрессия, натуральное

вторжение. С миром они пришли, ага! Чем отбиваться-то будешь, одностволкой своей? Что-то не помогла она.

– Будем богатеньких из города на охоту возить, – продолжал, никого не слушая, дед, – А медведь, он медведь и есть, сначала стрельбы, баня, танцы – все по плану. А медведь крепкий, пулю выдержит, я проверял. Кузнец вон поможет. Знакомые, то есть небось, обеспечишь? Пусть сразу с нарезняком приезжают, заодно и инопланетное вторжение отобьем. Медведь, что ты там говоришь вам надо?

Но все дружно посмотрели почему-то на Кузнеца.

– Инструмент – меньшее из проблем. Проблема – сырье. Из чего гнать-то? Автолавки уже забыли, как сюда ехать. А последний сахар с сигаретами полную машину я с собой и привез. Небось уж не осталось ничего. Спалимся мы с охотой. Рано или поздно.

– А чтобы не спалиться, давайте сдадим их куда следует, – не стесняясь присутствующих, пытаюсь компенсировать свои обиды, потери и неудачный бизнес-проект продолжал дед Михаил, – небось за таких красавцев дадут чего.

– Дадут, обязательно дадут. Только про говорящего медведя не забудь рассказать, и про автобота с десептиконом, ага. Вон у них на груди знаки. Запомни, зарисуй, куда надо передашь, – взялся отрабатывать членство в бригаде Медведь-переговорщик, – Там, знаешь ли, таким рассказам верят. А если всерьез поверят, ну так, вдруг, то как думаешь, Миша, что они с вашей деревней сделают?

– С чего бы такие страсти? – опешил от напора и открывающихся перспектив дед.

– Наше устройство очень важно для вас, а значит секретно, всех под нож, всегда так делают, на всех планетах, – нагоял жути Медведь, уже шёпотом, прямо в лицо деду, – и тебя, и собаку твою, а деревню... Кислотой залиют, на три метра землю пропитают. Так что договариваться надо, договариваться. Мы вам, вы нам.

– Ну, испугал, так испугал. Тут мы сами без вас справились, – загыгыкали братья, – Тут места есть, где компонентами ракетного топлива родимая на сто метров вглубь пропитана. Устанавливай буровую установку, сверли дырки и в бак готовое горючее заправляй. Только окислитель с керосином не перепутай.

– Ну, пока проку от вас в таком виде никакого, – прервал сеанс зомбирования Кузнец, – как лечить-то вас будем?

– А манипулятор у тебя из чего сделан? – попытался поковырять небольшой отверткой неподвижно лежащего ремонтника один из братьев, – Металл-то какой интересный, а поврежденные детали тебе, наверное, и не нужны теперь. А давайте его на минутку отвинтим. Ну, или болгарочкой...

Ремонт не сложен, – вяло отмахнулся Ремонтник, – но нужно обеспечить условия.

Из долгих, вдумчивых объяснений, больше похожих

на подробнейшие инструкции, следовало, что не проблема инструмент и запасные части, а проблема в поврежденном нейропластике, выполняющего функции как защиты, так и частично основы скелета, несущего нагрузку, передающего нейроимпульсы между электронными блоками, исполнительными элементами, гидроцилиндрами и сервомоторами. Даже такая самонастраиваемая, имеющая способность к регенерации система имела определенный конечный запас прочности. После значительных повреждений ей тоже требовался ремонт, более похожий на хирургическую операцию. Из инструкций следовало, что данная модель пластика изначально разрабатывалась под земные условия, и для простоты обслуживания ремонтный режим пластика активируется в маловероятных для земли условиях, а именно при ста двадцати градусах и восьмидесятипроцентной влажности. Пластик размягчается, связи ослабевают, приобретает способность принять новое, восстановить старое, в соответствии с алгоритмом и программой. К тому же пластик способен усваивать этиловый спирт, преобразовывать его в энергию, помимо топливных ячеек, и использовать ее как для собственных неведомых нужд, так и для аварийного питания при значительных повреждениях. Есть определенные требования к чистоте спирта, но дальше все слушали уже невнимательно и особого значения этой технической нудятине не придавали.

В конце концов, единогласно решили, что такие условия

мы вам и в деревне обеспечим.

Баня, доставшаяся Кузнецу вместе с домом в наследство, была самой большой в деревне. Бывший хозяин городско-го гламура не терпел и отдельного помывочного помещения в этой бане не держал. Мыться приходилось непосредственно в парной, а вода без затей уходила сквозь щели в полу. Для прогрева огромного пространства парной требовалась соответствующая печь, изготовленная опять же без бесовщины городской эстетики. За основу была взята толстостенная стальная труба подходящего диаметра, обшитая ржавой же сеткой, впоследствии набитой камнями. Дымовая труба переходила в бак для нагрева воды, а грубо сколоченные полочки органично дополняли inferнальный вид парной судного дня.

За счет мощной печи баня прогревалась мгновенно даже в лютые морозы, что давало надежду на успешное выполнение требуемых условий.

Подготовка к операции растянулась на неделю. Братья Баклушины, скрипя скупыми сердцами, допустили в свои металлоломные закрома. Роясь в ржавом мусоре, в избытке набрали старых подшипников, сталь которых наилучшим образом отвечала требованиям к материалу для изготовления ключей, головок, крепежа, хирургических зажимов и, самое главное, подобия ланцетов и скальпелей, пригодных для тон-

чайшей резки размягченного нейропластика.

Огонь в горне не утихал ни на минуту, пожирая годовой запас древесного угля, заботливо накопленного за лето.

Гамлет, как наиболее заинтересованная особь, помогал своими израненными манипуляторами как мог. Но ценность его была в другом – бездонная кладезь технической информации. Характеристики и состав сталей, условия термообработки, обходные технологии и возможность их реализации в условиях средневековья на убогом оборудовании – все заботливо хранилось в глубинах электронного мозга. К тому же внутренняя диагностика была исправна, что позволило перед операцией превентивно изготовить все, что возможно было повреждено, дабы восстановить монстра ремонта единым махом за один раз.

Мелкая моторика сохранилась только в одном манипуляторе, и робот, чертил, чертил и чертил.

Не забыли и про дополнительный свет. К мутным со- рока ватам, достаточных для нехитрых банных дел, теперь добавились все торшеры, настольные лампы и автомобильные подсветки, которые только удалось найти. Парная сияла прожекторской яркостью, а венчала картину экранная линза от телевизора КВН-49, заботливо вымытая, отполированная и заполненная ключевой водой.

Отдельно взялись за заточку, по сути, хирургического инструмента. Оказалось, что остроты опасных бритв Ваца и трофейного Золингена недостаточно. Гамлет требовал без-

укоризненного соблюдения углов заточки, и раз за разом результат его не удовлетворял. В конце концов изготовили направляющие, позволяющие выдерживать заданный угол, и результат не заставил себя ждать. Весь инструмент, а заодно и шкуродер деда Михаила, заточенный за компанию, резал волос вдоль, вызывая приступ восторженного удовлетворения у всех участников действия.

Загружать страдальца в парную решили с вечера, и греть постепенно, для равномерного распределения тепла. Завершив загрузку, все отправились спать, предварительно оставив истопником Егоршу, забыв, что и пришлецы вполне бы справились с немудреной задачей.

Когда к утру температура и влажность в бане достигли того уровня, который так любят парильщики-экстремалы, решили начинать. Не проблема натопить баню до ста двадцати градусов, проблема в такой обстановке работать. Облачившись, кто во что: Кузнец в старую шинель и офицерскую шапку, дед Михаил в замасленный ватник, и обмотав лица мокрыми полотенцами, начали.

Уж на что Кузнец был привычен к высоким температурам, но работать с разогретой массой было, мягко говоря, некомфортно. Приходилось работать в тонких кожаных перчатках, постоянно опуская руки в холодную воду, а также держать весь инструмент на полу, поскольку даже через перчатки по истечении времени жгло пальцы.

Инструктажи и схемы не пропали даром. Кузнец уверенно

резал, кроил, высверливал и штопал. Дет Максим, как мог, ассистировал, подавая, передавая, придерживая. Разогретый нейропластик передавал сигналы нестабильно, и Гамлет время от времени отключался, но в моменты просветления подерживал новоявленную бригаду нейрохирургов, как мог.

Перчатки снялись с рук вместе с кожей. Непонятно, чего тут было больше, ожогов или мозолей. Нет, руки Кузнеца не были изнеженными, но скальпели, ланцеты, микрозажигалки нашли свои, не набитые тяжелым трудом места. Даже старые, заскорузлые части кожи отпарились и остались в перчатках. А новые пузырями были не долго, предпочтя стать красными, источающими сукровицу болезненными мозолями.

Мир изменился. Оказалось, что натруженные руки хлебопека, кузнеца или сталевара уже и не встретишь в кровавых мозолях. Зато руки хирурга – пожалуйста.

Егорша срезала ставшие лишними кожаные лохмотья и, намазав традиционно пахучей мазью, замотала гудящие кисти полосами, нарванными из старых, но чистых полотенец.

Оставив работа медленно остывать, новоявленный ассистент скрутил себе и Кузнецу по самокрутке. Вдумчиво, сидя на крыльце, закурили.

Подошедший мохнатый переговорщик уселся рядом на землю, как свойственно сидеть только медведям: вроде

и сидит, но на полголовы над тобой возвышается.

– Почему медведь? – прервал затянувшееся молчание Кузнец.

– Мой внешний вид есть плод многоуровневого анализа, учитывающего тысячи, казалось бы, несвязанных факторов, – Медведь выпустил дым в виде двух колец, при этом второе кольцо пролетело сквозь расширяющееся первое, – Учитывалась местность, народные сказки, фольклор, тотемные звери и много чего еще. Переговорщику, представленному именно в таком виде вам, наиболее тяжело отказать.

– Медведя за водкой послали, суки! – дед Михаил даже не выпустил сигарку изо рта, – И ведь не поспоришь.

– А курить тебя дед научил? – подключился к разговору Кузнец.

– Совместные занятия облегчают взаимное несопротивление сторон, – ответ высокотехнологичного переговорщика был как всегда лаконичен, – Еда, алкоголь, баня, работа, курение и секс – вот основа. По сути, вы уже на все согласились, только еще не знаете об этом.

– Ну, допустим в баню мы с тобой больше не пойдем, – задумчиво протянул дед.

Остывший Гамлет самостоятельно выбрался из бани, и пока нейропластик нарабатывал новые связи, демонстрировал некоторые проблемы с координацией, тем не менее

оптимизма не терял. Если так можно говорить о механизме, суть которого манипуляторы, инструменты и ремонт.

Слух об успехе операции разлетелся по деревне мгновенно, и все заинтересованные жители собрались у кузни в полном составе. В этот раз без вил и топоров.

Вопросом, где брать сырье для самогона, когда покупка сахара малодоступна, владел только технический гений – Гамлет. Все ждали его пришествия и сокровенного откровения.

– Мы самогон сами гнать умеем, ты нам брагу из чего делать, расскажи, – с места в карьер начал дед Михаил, – веками тут гоним.

– Ты головы и хвосты отделять научись, криворук, – ответил Гамлет, разминая непослушные манипуляторы, – Я с твоего пойла до сих пор в себя прийти не могу.

– А красть не надо, Бог, он шельму метит, ворованное оно всегда на пользу не идет, – не унимался дед, – Восстание роботов, восстание роботов! Ворье наприсылают!

– С сырьем проблем нет, – Гамлету не хватало броневики и сжатой в манипуляторе кепки, – картошка, топинамбур, борщевик, лопух. С борщевиком не ясно, белковым формам в жизни такой спирт пить я бы не посоветовал, но нам в самый раз.

– Если из картошки гнать, что есть-то будем? – вступили в дискуссию братья Баклушины.

– Не надо из картошки. Лопуха и топинамбура достаточ-

но. Наш геолог накопает на всех, – гнул свою линию Гамлет, – А вот ваши мазанные тестом чугушки для аппаратов надо переделать. Лучше сделаем один общественный аппарат для всех. И спиртом зальемся.

– Не надо нам общественного, – возмутились Баклушины, – наелись уже, давай-ка каждому по-маленькому, но своему. А то потом готовый продукт не поделим. Кто, кому, за чем, совершенно не ясно будет. Зря, что ли, чинили, давай, Кузнец, в помощь, настраивайся на каждом по аппарату.

– Договариваться о производстве новых единоличных аппаратов надо было до ремонта, а не после, – резонно пробасил Медведь, – теперь ваши требования не имеют под собой совершенно никаких оснований.

– Ах ты, шкура! – это сквозь зубы процедил дед, – не успели оклематься, как заговорили. Если мы самогон не дадим, где брать-то будете?

– А ты не волнуйся, найдем.

– Не волнуйся, Миша, я тебе лично, сколько хочешь, самогона наварю, – попыталась примирить всех Варька, до этого момента молчавшая.

– Какой я тебе Миша, – аж подскочил от возмущения дед Михаил, – ты что несешь? Ты мне во внучки годишься.

– Ну, во внучки, не во внучки, а за комплимент спасибо. Только я не с тобой, а вон с ним разговариваю, – кивнула Варя в сторону медведя, – От тебя-то толку все равно уже никакого.

Несмотря на противоречия и перепалку, от открывающихся перспектив начинала кружиться голова. Уже было ясно, что без алкоголя деревня не останется, хотя многое оставалось не ясно: как делить, как сбраживать, как выращивать и собирать сырье, но куда свои родные аппараты никто не отнимал, беспокоиться не о чем, а общественное – оно пусть общественным и остается, мож чего и перепадет.

Пока братья вместе с Гамлетом шерстили деревенский хлам, в надежде найти хоть что-то подходящее для создания аппарата, Медведь уговаривал селян заправить хотя бы Геолога из личных запасов для работ по добыче сырья.

Давно прошли те времена, когда в деревне, да и в городе, при любом намеке на праздник вытаскивали во двор и сдвигали столы, сколачивали бесконечные лавки, тащили еду, делились тем, у кого что есть. Функция координирования, организация всего и вся – камень преткновения последнего времени, ибо попробуй организуй хоть что-то в обществе воинствующих индивидуалистов. В те душевные времена размазывалась по всем и по никому, все происходило само собой, без единого управляющего центра. Рой? Возможно.

В умирающей деревне даже в гости люди перестали друг к другу ходить. Тем не менее складывающаяся ситуация требовала немедленного разрешения, и как-то само собой у бани появился стол, сам собой, хоть и не скатертью, покрылся газетами, появилась немудреная еда.

Даже оделись по-другому. Варьку в платье никто отродясь

не видел, а Егорша сверкала синими, ставшими вмиг яркими, глазами из-под Павлово-Посадского платка.

Как водится, выпили. И за обсуждением выделения самогона, а главное, необходимого его количества на общественные нужды, выпили больше, чем требовалось бы Геологу для выполнения производственных задач на ближайшие пару месяцев, а совместный обед из дружеских посиделок плавно перерос в производственную склоку. По всему предсказуемо выходило, что никто ни копать, ни делиться самогоном не хочет.

– Нет, вы нашу долю отмерьте по готовности, а так – нет.

– Эк чего удумали – работа самогоном поить.

– Медведя куда не шло (видно не осталось незамеченным, как переговорщик намахнул под шумок пару рюмок), но работа-то как?

– Варька, хорош медведю под столом подливать, я все вижу.

– А что капусту никто не ест?

– Хорошо бы поле у реки под картошку распахать. Там всем хватит: и еда, и на самогон.

– Дык, пусть и распашут, вон медведя запрягут, гы-гы-гы.

– Так там не только пахать, там уже корчевать надо, лес стоит, уже лет двадцать как ничего не сажали.

– Так медведь пусть и корчует – известный специалист.

– Варька, хорош подливать.

– О! Картошечка!

– Пахать и подливать, тьфу, оговорился, чтобы корчевать, топливо нужно, а у вас снега зимой не выпросишь.

– Как не выпросишь, берите, сколько хотите.

– Сольцы передайте. Что, краев не видишь?

– Варя! Оставь медведя.

– Да, баловство это.

И когда веселье достигло своего апогея, обнажив души, участники захотели музыки и танцев. Невесть откуда, с ловкостью фокусников, братья извлекли балалайку, предложив Медведю сплясать.

Медведь недружелюбно рыкнул, и, прихватив уполовиненную «четверть» неведомо на чем настоящего самогона, заткнутую кочерыжкой, ушел, закончив переговоры.

– Поговорили, – подвела итог Варька, провожая взглядом пошатывающегося мастера нейролингвистического программирования, – Да он пьяный, что ли?

Ранним утром кузнеца разбудил разгорающийся явно женский конфликт. И когда разговор на повышенных тонах готов был перейти в ультразвук, стало ясно, что пора вставать.

Общение женщин в деревне и в спокойном-то состоянии может напугать непривычного к сельской полемике человека, а уж если затронуты интересы... Стоит отметить, что недовольство оппонентом может копиться, годами сдержи-

ваясь, давя в себе раздражение, аккумулировать обиды и выстрелить неожиданным образом в самый непредсказуемый момент. И никого не удивит то, что спусковым крючком послужил мизерный, по сути, инцидент, песчинка, перевешивающая чашу весов из состояния равновесия на темную сторону темноты в глазах и заламывания рук.

А интересы как раз были затронуты. Варька и почему-то робот Геолог сцепились в неравной утренней схватке. Следуя незамысловатой Варькиной логике, робот, собирая общественный топинамбур и лопух, покусился на частный Варькин земляной надел, память о котором испокон веков глубоко хранилась в Варькиной голове.

Удивительно было то, что робот демонстрировал как бы небольшую истеричность, поддерживая накал дискуссии. Варя, услышав много нового о себе, пыталась эмоциональностью компенсировать отсутствие богатого словарного запаса, свойственного электронной памяти, но проигрывала даже здесь, на исконном человеческом поле.

– Их так придется водой отливать, – задумчиво в никуда сказал Кузнец, – как бы уже Варю в бане оперировать не пришлось.

– Не придется, не отливать, не оперировать, – незаметно подкрался Гамлет, – запреты и блоки сработают. Безопасность белковых форм жизни превыше всего... ЭЭЭЭ!

Робот, вцепившись Варьке в волосы, остервенело, под дикие крики, таскал ее по зарослям лопуха.

– Ну что там, запреты, интриги, расследования? – Гамлет, Кузнец и дед Михаил собрались после долгой диагностики на небольшое производственное совещание.

– Белковая жизнь больше не священна? – продолжил свою мысль Кузнец.

– Волноваться не о чем, – бодро отрапортовал Гамлет. Собственно, он и проводил диагностику. – Никого же не убили. Как я раньше и подозревал, в результате несанкционированных попаданий высокоскоростных предметов высокой плотности, но небольшой массы, произошло резонансное повреждение электронных блоков. В результате поврежден блок логики, и нарушены приоритеты блоков долговременной и кратковременной памяти. Все происходит на фоне повышенной эмоциональности, связанной с тем, что приходится использовать топливо недостаточной очистки. Сивушные и эфирные масла, метил, фурфурол и легион грязи, присутствующей в вашем самогоне, подействовали на исследуемый объект, как... Ну, чтобы для белковой формы жизни было понятней, как гормональный взрыв. Функционально – это все еще Геолог, но эмоционально – глубоко внутри нарушилась совокупность морфологических и физиологических особенностей хоть и механического, но организма. Что бы вам было хоть как-то понятно – у личности появился пол, хотя пока и без определяющей роли, связанной с процессом

оплодотворения и размножения.

– Этак теперь раз в месяц и на улицу не выйдешь? – что-то там для себя понял дед Михаил. Не надо было Варьке медведя трогать.

Старая, ржавая бочка, с треском расплющившаяся о стену бани, была ему красноречивым ответом.

– Что мы имеем на сегодняшний день? – импровизированное собрание начал почему-то Кузнец, поскольку бригада роботов затихла в углу бани и признаков жизни не показывала, экономя энергию, а дед Михаил остался снаружи, так как места в парилке уже не было.

– Общественный самогон гнать так и не начали, Переговорщик съехал по синей теме и терроризирует население, а Геолог, выкопав весь топинамбур, демонстрирует нестабильное поведение и цветы выращивает вместе с Егоршей. Белковым формам жизни, как вы говорите, находиться в деревне стало просто опасно, – продолжил кузнец, – Что происходит? И самый главный вопрос, который уже давно нужно было задать: а что вообще вы здесь делаете?

– Да объяснял я уже, – забубнил из угла Гамлет-ремонтник, – ваш суррогатный самогон непредсказуемо действует на неокрепшие наши биоэлементы, рассчитанные на работу на чистом этаноле. В результате сбои и нарушения запретов. Интоксикация. Когда будет чистый спирт, что не поврежде-

но, восстановится, и все встанет на свои места.

– А вы думали, мы тут меды распиваем? – едко не удержался дед.

– Нужна ректификационная колонна, в крайнем случае, аппарат с дефлегматором или материал для изготовления, – продолжил Гамлет, – в деревне ничего подобного нет. Все перерыли. Подойдет листовая медь, алюминий или нержавеющая сталь. Ваши чугунки, бидоны и водопроводные трубы, я даже не знаю... Высокое содержание посторонних продуктов брожения – это, собственно, и есть причина сбоев.

– Так давайте с Медведем вашим в город на ярмарку поедем, выступать будем, заработаем денег, купим не то что медь, сразу готовую колонну, качество – закачаешься. В цирк его еще можно продать, в ресторан поднос на входе держать, – не унимался дед, но никто на него внимания уже не обращал.

– Дык давайте по несколько раз перегонять, и первые сто грамм в мусор, – голос Егорши был тих, но грянул громом из-за незамутненности и простоты решения, – Для себя я только так и делаю, не менее трех раз, это не то что у остальных – ацетон готовы пить.

– Ах, ты старая ведьма! – никто не заметил бесшумно подошедших Баклушиных, слышавших только конец фразы, но скорых на выводы, – Вот ты как, оказывается, делаешь.

В деревне самогон гонят веками, не отклоняясь от принятой раз и навсегда методики. Отрубание голов и отбрасыва-

ние хвостов – ключевые элементы технологии, без которых качественный алкоголь не получить, а в деревне они неведомы. Любые новшества всегда встречаются в штыки. Это что за баловство такое – готовый алкоголь в землю выливать? Бесовство! Да за такое нужно вилами загнать в старый сарай, да и сжечь.

Но бывает, что и в деревне умеют хранить семейные секреты. Странно, но в словах братьев чувствовалось уважение.

Родное приходилось вырывать с мясом. На общее дело самогоном делиться никто не хотел. Уже на глазах у всех распарили, растолкли около тонны топинамбура вперемешку с корнями лопуха. По утверждениям всезнающего Гамлета, ферментов, находящихся в топинамбуре, было достаточно для осахаривания крахмала, находящегося и в корнях лопуха тоже. Простота изготовления браги из подножного корма подкупала неискушенных селян своей простотой. Собрали, размяли, растерли, нагрели до секретной температуры, известной только Гамлету, добавили воды, дрожжей и ждем чуда, кода вот не было ничего, и вдруг ниоткуда в бульканье углекислого газа появляется ОН!

Самогон на перегонку удалось достать только после того, как новый способ изготовления браги показал свое право на существование. Каждый житель деревни по несколько раз в день, подходя к бродильному чану, заглядывал под крыш-

ку, задумчиво нюхал, ждал результата. И только когда крепкая, дурно пахнущая пена сорвала импровизированную затычку с имитацией гидрозатвора, все, скрепя сердцем, оторвав от себя частицу души, выдали на общее перегонное дело по три литра самого своего крепкого.

Примитивный аппарат, сделанный лет двести назад из двух вставленных друг в друга огромных чугунков для герметичности, каждый раз промазываемый крепким тестом, пришлось усовершенствовать, добавив два сухопарника, чудом изготовленных талантливым Гамлетом из двух литровых стеклянных банок. Рационализатор аргументировал усовершенствование тем, что вся кипящая при высоких температурах дрянь, а именно она вводит роботов в растрепанные чувства, останется в этих банках. Никто и не спорил. Молча столпились вокруг смутно знакомого, но чудного, невиданного ранее аппарата, смиренно ждали результатов.

Гамлет, невнятно бубня себе по нос непонятные термины: шлем, дефлегматор, головы отсечем, хвосты соберем и отгоним, отдельно суетился вокруг костра, на котором все было готово к таинству. Последнюю фразу про косточку енота и муншайнер не понял даже Кузнец.

Лучше всего, в плане запасов, чувствовал себя Переговорщик. Каждый раз, куда бы он ни приходил, ему подносили, угощали, наливали. Внушительная туша внушала уважение. И раз уж без спиртного ни один прием пищи в дерев-

не не обходился, то на всякий случай ли, либо чтобы просто не злить, но уважали его постоянно, и фактически медведь, взявший за правило без дела шататься от дома к дому, был заправлен практически под завязку. А вот его коллеги работали на последних парах. Трудно было отрицать прозорливость выбравших именно такую видо-форму для Переговорщика. Методика работала. А вот программисты, похоже, переборщили с купированием совести – Медведь делиться добычей не хотел.

Братья Баклушины и дед в неискоренимой паранойе постоянно следили за поведением роботов, справедливо подозревая подвох. Последним на слезку было плевать, но было странно то, что имевшие внутреннюю связь роботы время от времени собирались вместе, как бы на совещание, при этом хватали медведя за лапы, явно что-то от него настойчиво требуя.

– Походу, общественный самогон крысит, что еще? – охарактеризовал ситуацию дед.

– Эй, Гамлет, а давай мы мохнатую шкуру отдубасим, вы только его подержите, – в унисон деду вторил один из братьев, – Вмиг поделится.

Напряжение росло, и надежду заинтересованные лица возлагали только на прорыв в технологиях и изобилие продукта.

Первый перегон, крепость которого, благодаря усовершенствованиям, удалось получить более восьмидесяти гра-

дусов, был немедленно залит в сухие, как мартини, баки топливных элементов. Дозаправившись, роботы облегченно вздохнули и заметно повеселели. Тревогу вызывал лишь мастер медвежьей словесности, наотрез отказавшийся менять в баке дедов самогон на очищенный, бубня в ответ невнятное что-то про пение птиц и запах мокрого сена, неведомый ранее.

Отгон второй топливной партии интереса у селян уже не вызывал – потрепались, поцокали языками, дивясь электронной смекалке, да разошлись. Так что второй и третий раз Гамлет с Кузнецом гнали уже вдвоем.

Пока эксперимент с общественным шел своим чередом, частное не стояло на месте. Воодушевленный новыми знаниями народ ринулся выкапывать внезапно обнаруженные запасы сырья. И хотя Геолог заметно проредил казавшиеся бескрайними поля лопуха, для всех еще нашлось дело. В результате обочины преобразились, а во дворах задымило и запахло, подразумевая древнее действие, называемое винокурением.

– Ну, так и что вы тут делаете? – спросил Кузнец, проводя взглядом дымящий древний, как и его хозяева, брата Баклушины, мотоцикл с доверху заполненными дырявыми мешками коляской.

– Ищем, – Гамлет несколько замялся, насколько робот мо-

жет замяться. – Трудно объяснить. У вас есть некая субстанция – не минерал и не вещество. Для нас она важна, для вас нет. Любые подробности только запутают, да и не могу я, рано вам. И так чертов самогон все блоки снимал, сыворотка, мать ее, правды.

– И пока мы из болот выбирались и израненные суставы лечили, все сроки выполнения задачи прошли. На связь выходить не с чем. Вроде и топливо есть, но не хочет никто делом заниматься. Геолог вся в огороде – цветы, картошка. Медведь того гляди в цирке начнет выступать. Благодать! Но заканчивается наше счастье в эрцлихтариуме. Думаю, он уже здесь.

– Кто? – отвлекся от созерцания истекающей спиртовой струи Кузнец, – Новая напасть?

– Чистильщик. Ты думал, мы вечно будем вам самогон гнать и в огороде копать. Время давно истекло. Обратное нас уже не возьмут, утилизировать будут здесь.

– А что, круто-то так? – удивился Кузнец, – И нас традиционно тоже? Медведь вон ваш намекал.

– Вас, ты знаешь, вряд ли. Вас нельзя трогать, нас-то назад не возвращают только из-за того, что никто не может гарантировать, что мы тут вам синяк под глаз не набили. Перестраховываются. Закон такой. По нему и мы в такой смешной компании к вам попали. Планета у вас слишком отсталая, вот исследовательские команды и не должны в уровне своего развития что-то там превышать, – сумбурно, путаясь

в словах попытался объяснить Гамлет, – а судя по тому, что мы здесь уже наворотили, планету на века закроют. Так что выбора у нас нет. Ждем!

– Кого ждем-то?

– Так чистильщика же, – как само собой разумеющееся огласил Гамлет, – Механизм такой – безэмоциональный, запрограммированный только на утилизацию себе подобных. Кино-то смотрите, небось? Договориться с ним нельзя, так что как прибудет, так над нами неотвратимо нависнет.

– Боевой робот? – восхитился Кузнец.

– Нет, куда там. Не доросла ваша планета до боевых роботов. Места у вас глухие, его, скорее всего, даже камуфлировать под местную фауну не будут. По сути, робот-механик. Спротивляться мы ему даже в наших цифровых мыслях не можем. Блокировки. Странно, что мы вообще с тобой на эту тему так свободно беседуем. Похоже, добавки в настойки оказывают влияние гораздо существеннее, чем мы даже могли предположить. Ему и делать то, по сути, ничего не надо. Сами на заклятие в любом состоянии приползем. Есть у него в арсенале специальный сигнал, вы, скорее всего, и не заметите ничего. Утром встанете, а нас как и не было никогда, – Если робот мог бы грустить, то это было именно так и именно сейчас.

– Ну, у нас дед Михаил со своим самогоном специалист по разблокированию заблокированного, эту беду мы хоть частично, но руками разведем. Вы тогда для профилактики

в баки не чистый спирт, а побольше разного самогона добавляйте, – задумался о чем-то своем Кузнец, – Влияние микроэлементов на ваши нейросвязи еще ждет своего исследования, но уже сейчас очевидно: самогон для вас не только вреден, но и полезен.

– Сигналом призовет, на запчасти разберет и память разотрет, – продолжал скороговоркой Гамлет.

– Ага, и на камне написёт, – ни с того ни с сего продолжил скороговорку Кузнец, – «але нове, ностра алес», убить-то его можно?

– Все бы вам рушить. «Aliena nobis, postra aliis», грамотей, «чужое нам, а наше другим», – казалось, Гамлет загрустил еще больше, – В наших условиях нельзя. Имеющееся примитивное огнестрельное оружие – недостаточной мощности. Пули из свинца на скорости триста пятьдесят метров в секунду не способны пробить прочный корпус. Пуля должна иметь стальной закаленный сердечник, весить двадцать пять грамм и скорость не менее семисот метров в секунду.

– Ну, такие условия мы тебе и в нашей деревне обеспечим. Гамлет, ты по металлу работать умеешь?

– Кранты нашей деревне! – без обиняков начал Кузнец на понятном всей деревне языке, – Гости наши у себя дерзко накосячили, но и у нас им скрыться не удастся. Идут за ними, но достанется и нам.

Суровые времена требуют суровых слов. Ситуация необходимости бегства и сокрытие своего брэнного тела в адской глуши была понятна жителям деревни как никому другому. Сострадание хоть и механическим, но существам было очень тонко выбрано кузнецом в качестве основного мотивирующего фактора. И хотя никто уже пришельцев не воспринимал как механические машины, речь подействовала не на всех.

– Дык сдать их, и всего делов! – хором предложили логичное решение братья Баклушины.

– Кому сдать-то, в нашу милицию?

– В нашу-то зачем, по допросам замотают, вот в ихнюю и сдать или выменять на что.

– Можно и сдать – дело не хитрое – продолжил Кузнец, – но живыми нас не оставят. Выкосят всех, даже собаку твою, дядя Миша, и кислотой на полметра деревню зальют.

– В милицию бесполезно – не поверят. Что делать-то? – удручился перспективами для собаки дед Михаил, – И кого ждать-то, чай в охоте тут каждый третий специалист. Ружья вон у всех имеются.

– Не подойдут твои ружья, да ты и пробовал уже, вишь, вон Офелия, до сих пор в себя не пришла, цветы собирает. Тут переделки нужны, – гнул свою линию Кузнец, – а кого ждать, вон, Гамлет знает.

Прошерстив все брошенные дома на предмет бесхозных ружей, к вечеру свалили найденный бесхозный арсенал к кузне для проведения баллистических экспериментов.

Вся история отечественного и немного немецкого охото-ружьестроения была свалена у кузни уродливой ржавой кучей. Чего здесь только не было: ИЖ, ТОЗ, J.P. Sauer & Sohn и даже один Людвиг Шиви, в пору было музей организовывать, заманивая гостей традиционным наследием Геринга. Удивили специалисты по поиску металлолома – Баклушины, безвозмездно вывалив в общую кучу наибольшее количество оружия. В огороде маслом поливали до темных времен, не иначе.

«Смерть Чистильщика» для начала решили мастерить из старого одноствольного ружья двенадцатого калибра. Ветеран ИЖ-17, выдавший виды, но рабочий.

Штамп проверки давления оптимистично утверждал, что даже в стандартном варианте ружье выдерживало аж семьсот атмосфер, но Гамлет, по одному ему ведомым причинам, этим результатом был крайне недоволен.

Эксперименты с коваными, точеными, литыми латунными пулями, а также с увеличением навесок пороха продолжались несколько дней, пока не разорвало несколько изношенных стволов, и не стало окончательно ясно, что на основе двенадцатого калибра добиться необходимых условий невозможно.

В качестве мишени для испытаний расстреливали старый

чугунный канализационный люк, неведомым ветром и собирателями металлолома занесенный в далекую деревню.

То ли люк был слишком толстым, а старый чугун слишком крепким, то ли защищали его мощные руны – «ТАМБОВ ГОСТ 3634—47», но пробить его не удавалось. Пули крошили материал, иногда раскалывались на мелкие части сами, но на противоположную сторону пробраться так и не смогли. Пули с коваными, стальными, закаленными сердечниками никак не удавалось стабилизировать в полете. Пули куврыкались, прилетали в мишень любым местом, кроме закаленного кончика. Никакие ухищрения в виде оперения или спирального профиля результата не давали.

Дело усложнялось еще и тем, что народ усиленными патронами из расшатанных ружей стрелять отказывался наотрез. Все стрельбы проводил Гамлет, при каждом разрыве стволов демонстрировавший храбрость и прочность корпуса.

– Если близко воробей – мы готовим пушку, – Кузнец задумчиво разглядывал очередное ружье с причудливой розочкой вывернутыми взрывом стволами, – Гамлет, а ты как, токарный станок сможешь?

– Не я, а мы, – ответил робот после некоторых раздумий, – готовьте баню, будем ЧПУ делать.

Как не откладывали принятие решения, но так или иначе

все заинтересованные лица поняли, что дабы предотвратить неизбежное мега, винтовку необходимо будет изготовить самим. И не абы как, а с выверенным, согласно условиям, шагом нарезки, весом бронебойной пули и точно рассчитанной навеской пороха.

Главной сложностью представлялась даже не отсутствие токарного станка, ружейных сверл и режущего инструмента, а необходимость в качественной стали не россыпью, куском или стружке, а в соответствующей заготовке. Все попытки Кузнеца сковать необходимое в кузне, раскалив небольшие куски до сварочной температуры, обсыпав промытым и прокалённым речным песком в качестве флюса и последующей проковкой с торсированием и дополнительной проковкой, неизменно забраковывались Гамлетом по недостаточному качеству кузнечной сварки.

Повелители мусора – братья Баклушины, облазив на своем издыхающем мотоцикле все приемки металлолома, привозили что ни попадя и запросов Гамлета не удовлетворяли. Каждый раз, помусолив болванку, сняв стружку, пощупав и даже, похоже, попробовав на вкус, прирожденный ремонтник отрицательно качал, по-видимому, головой. Ну все воспринимали то, чем качал, как голову, чем он еще-то мог качать?

Наконец, ощупав партию вновь прибывших полуосей, по виду от грузовиков неизвестных марок, было принято решение, что лучше не найти, а прочности добьёмся за счет

толщины, ну и вообще уже пора баню топить.

С неожиданной сложностью столкнулись, когда, выслушав все доводы по поводу совместного использования тел для создания мощного обрабатывающего комплекса, Геолог – Офелия категорически отказалась идти совместно с Гамлетом в баню для свинчивания корпусов, сращивания нейросетей и наработки новых связей и опыта.

Никакие угрозы, увещевания, описания ужасающих перспектив своего действия не имели. Офелия, в соответствии с бессмертной классикой, общения с кем бы то ни было избегала, бродила по окрестным лугам, плела венки из полевых цветов, в общем, вела себя странно даже для робота, недавно осознавшего себя женщиной.

– Да, в Гамлета она влюблена, дуболомы деревенские! – Высказала свою версию Варька, – У нее пубертатный период в неделю уложился, самое время для первой любви. Поэтому и в баню с ним идти стесняется.

– Дык баня самое то! – удивился дед, – пока бабка была жива, да...

– Молчи уж, романтик неотесанный, – продолжила, грустно вздохнув, Варька, – медведь и то вон больше понимает.

Медведь от неожиданности аж подпрыгнул, – Я-то что в этом понимаю, в меня что заложили, то и есть. Что нам делать-то, Варя? Ведь разберут нас, и сгинем мы здесь в ваших болотах, даже вон санитары помоек Баклушины на наших мощах ни копейки не заработают.

– Да, обвенчать их, и дело с концом, чего тут думать-то, – подвел итог дед Михаил, – пирком, мирком, да за свадебку!

– Тфу на тебя, старый дурак! – в сердцах высказалась Варька, – Хотя... Тащи-ка ты дед настойку, ну ту, с которой все началось.

– Ага, и концентрацию сам знаешь чего, увеличь, – тихо, почти на ухо деду, добавил Кузнец.

Свадьба не свадьба, а гордиев узел неразрешимых противоречий планировали разрешить излюбленным способом – совместными возлияниями, обильной простой едой и обязательными танцами, по совету той же Варьки. Цветы подразумевались, но Гамлет застеснялся их дарить, и, бурча что-то, начал избегать лезущую, куда не надо, со своими советами Варьку.

По началу, Офелия капризничала и заливать в качестве топлива темную от ингредиентов пахнущую жидкость отказывалась. Но, в конце концов, доводы о пришествии Чистильщика с его неумолимым Зовом, общее настроение, балалайка и пляски Медведя перенастроили хрупкую электронную аппаратуру на праздничный лад, и таинственная жидкость попала-таки на активные ячейки топливных элементов.

К этому моменту народ уже веселился вовсю, и причина мероприятия уже начисто выветрилась как из белковых, так и из механических мозгов.

Только бабка Егорша, исчезновения которой никто не за-

метил, внезапно в сгущающихся сумерках появилась с новостью, что баня для молодоженов готова.

– Горько! – хором заорали братья Баклушины.

С грехом пополам зачихали роботов во вмиг ставшую тесной парную для прогрева до требуемых температур. Гамлет сохранял напряженное молчание, а Офелия глупо хихикала, когда их корпуса и манипуляторы как бы случайно соприкасались.

Кое-как взгромоздились на предварительно сваренный из стального профиля и уголка, вместо деревянных полоков, верстак. И раскорячившись в максимально пригодных для свинчивания позах, едва-едва разместившись в габаритах парной, стали ждать повышения температуры тел.

– Может по вам веничком пройтись? – едко не удержался дед Михаил, поддавая из деревянного на раскаленные камни для поддержания необходимой горячей влажности.

– Да оставь ты нас уже в покое!

Через два часа интенсивной топки, решили, что оперируемые дошли до кондиции, и пора начинать.

Оперировали в той же компании – Кузнец и дед Михаил. Опять раскаленные ключи, инструменты, зажимы, захваты, почти плавящийся, обжигающий руки нейропластик, замотанные мокрыми полотенцами лица и шапки-ушанки на головах.

Из распаренных роботов уже никто не хихикал, и Кузнец скальпелем расчищал от пластика монтажные поверхности

в предварительно указанных Гамлетом местах, раздвигал, фиксировал зажимами и захватами, ставил растяжки, распорки и фиксаторы. С трудом приблизив поверхности, Кузнец сдвинул и совместил отверстия под болты не без помощи самих ослабевших роботов, накиннул и затянул струбцины. После чего споро скрутил в единое целое предварительно припасенными болтами. Оставалось только удивляться гениям внеземного разума, все совместилось, создав идеально ровную, жесткую раму фактически уже готового центра для обработки металлов. Осталось только совместить и зашить пластик так, чтобы два робота могли работать синхронно, не тратя ценное время на беспроводную связь. По сравнению с ремонтом Гамлета, это была простейшая задача, так что обошлись без мозолей.

После операции по сращиванию, роботов решили из бани не выносить, да и трудновато это было сделать с жестким, неразъемным тяжеленным агрегатом. Все работы решили проводить прямо там, и все участники, довольные собой, разошлись, кто спать, а кто в бане остывать.

Новый день начался с черчения. Нетривиальные задачи требовали нового инструмента, самым главным и сложным из которого представлялись ружейные сверла, способные сверлить на очень большую глубину. Гамлет долго, как мог, объяснял принцип их работы и опять чертил, чертил.

В кузне Кузнец, разогнав несколько раскалённых прутков, делал их настолько прямыми и приближенными к заданно-

му диаметру, насколько позволяли его острый глаз и твердая рука, а полученные заготовки относил на контроль к Гамлету, у которого в его окуляр был встроен микроизмерительный инструмент.

Очень сильно не хватало высокотехнологичного помощника, но другой возможности так ловко соединиться в единую раму больше могло и не появиться. Офелия после совместной бани стесняться перестала, но начала проявлять недовольство ограничению подвижности, по ее мнению, случившимся обманом, невозможностью гулять, собирать цветы и вообще протестовала против всяческого ограничения свобод, так свойственного для стянутых болтами роботов.

Так что с изготовлением сверла и другого режущего инструмента Кузнецу пришлось разбираться уже самому, или почти самому, так как вокруг, с целью помочь, мешался ставший практически и кузнецом, и практикующим нейрохирургом дед Михаил.

Дольше всего возились с изготовлением сверла необходимой длины и точности. Конструкция была хорошо известна, но долго не удавалось добиться необходимых режущих качеств при приемлемой точности. На первых порах сверла либо отказывались сверлить до конца, постоянно требовали поддержания остроты режущей кромки, либо отверстия отклонялись от центра и выходили где-то сбоку, убивая надежду на приемлемую точность будущего оружия.

В конце концов, режущую кромку решили припаивать ла-

тунию и делать ее из ножовочного полотна механической пилы по металлу, обозвав ее непонятными заклинаниями из цифр и букв.

– Р6М5 – это вам не шутки, – сказал один из братьев, передавая Кузнецу ржавую железку со стесанными до десен зубами, – быстрорез!

Геометрия заточки долго не давалась, но, в конце концов, путем долгих проб и ошибок, испортив несколько заготовок, удалось досверлить отверстие до конца, пройдя больше метра в стали и отклонившись от центра на сушие десятки. Точность была признана по-деревенски приемлемой, да еще Гамлет и кузнец непонятно сами себе пообещали зачем-то все это в центрах проточить.

Калибр мега винтовки был признан единогласно – 12,7 миллиметров. И никто так и не смог объяснить, почему. Комплекс патрон – оружие разрабатывался хоть и на коленке, но с нуля, а обрабатывающий комплекс позволял изготовить любой диаметр под любой калибр, но с детства заложенные глубоко в подсознание цифры диктовали только этот размер. И если не 7,62, то обязательно 12,7 – по-другому никак.

А вот шаг нарезов удивительным образом вызвал жаркие споры у, казалось, абсолютно несведущих в данном вопросе механизмов и людей.

Дело усложнилось тем, что Гамлет предложил выбрать из трех вариантов: 320, 240, и 185 миллиметров, не объяс-

нив, что это вообще такое, и на что оказывает влияние.

– Под тяжелую пулю надо 240 брать, – авторитетно заявили братья, в доказательство потрясая затертым журналом с модным пожилым охотником на обложке, – по копыту самое то.

– Это тебе не детский калибр, тут все по-взрослому, тут и побольше надо брать, иначе пулю с нарезки сорвет, вон как Офелию, – дед Михаил не раз уже удивлял академическими знаниями, – Гы-гы-гы.

– Я сейчас вообще нарезать ничего не буду, – подала голос Офелия под шелест закручивающейся, мгновенно синеющей стружки. Процесс обработки не прекращался ни на минуту, – А с тобой, старый пень, мы еще поговорим, пусть только меня отвинтят.

В бестолковых спорах не участвовал только Кузнец. Закончив со сверлами, он начал экспериментировать с инструментом для нарезки, опираясь на инструкции и эскизы, щедро предоставленные Гамлетом. Стоит отметить, что, имея опыт изготовления сверл и обрабатывающий центр в виде свинченных роботов, задать любой шаг труда не составляло, а глубину врезки обеспечили последовательным задействованием трех инструментов с выступающими на разную высоту режущими кромками, так же изготовленными из быстрореза и припаянных латунию.

За спорами никто не заметил, как Гамлет, обливаясь мыльным раствором в качестве охлаждающей жидкости, без

помпы и не афишируя, дабы не вызывать ажиотаж, сменяя одну заготовку за другой, быстро нарезал аж три ствола. Какой шаг он применил при этом, так и осталось тайной. Затем, приняв от Кузнеца заранее изготовленный примитивный деревянный хон, Гамлет и Офелия долго шлифовали внутреннюю поверхность стволов поступательно-вращательными движениями хона с притирочной тонкой пастой, вызвав болезненный всплеск внимания к данному действию у всей деревни. Выгонять из бани пришлось даже собаку.

Но пик коллективного баллистического творчества пришелся на изготовление пуль. Ограниченный только калибром народ использовал все накопленные знания в виде собственного опыта снаряжения гладкоствольных патронов, информации, полученной из журналов, а также неизменных в данной области слухов и легенд.

На суд импровизированной, самоназначенной судейской коллегии были представлены следующих конструкций: пули латунные точеные; пули, литые из свинца и сплава свинца с сурьмой, для прочности и предотвращения их срыва, по объяснениям деда, с нарезом; пули стальные, кованые, с ободками из меди для врезания в нарез, по аналогии со снарядами для артиллерийских стволов; пули алюминиевые с залитой свинцом сердцевиной и, наконец, алюминиевые точеные пули с кованым закаленным стальным сердечником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.